

Хорошо до слез

Известия. — 1999 — 12 окт. — с. 9

Московский концерт Клаудио Аббадо и Берлинского филармонического оркестра

Петр ПОСПЕЛОВ

Начало концертного сезона подарило московской публике событие исключительного, более чем эталонного качества. Теперь все, что будет звучать в стенах Большого зала Консерватории, будет невольно сравниваться именно с ним; превзойти его не удастся никому. Берлинский филармонический оркестр наряду с Венским филармоническим и амстердамским «Концертгебау» — лучший оркестр Европы, а его 66-летний шеф Клаудио Аббадо — один из первых современных дирижеров мира. Но, смею думать, берлинцы не просто продемонстрировали свой хваленый уровень — они дали концерт, свидетельствующий о новом качестве для них самих.

Думаю так потому, что ранее дважды слушал берлинских филармоников во главе с Аббадо живьем (записи — не в счет), в Берлине и в Петербурге, оба раза отмечая сочетание высокого класса с некоторым равнодушием и самоуспокоенностью; никаких откровений не было; более того, в финале Седьмой симфонии Бетховена музыканты из группы первых скрипок вообще играли разными штрихами, при полном попустительстве со стороны концертмейстера.

В последние годы оркестру пришлось расстаться с несколькими профессорами (вышел закон, по которому совмещать преподавание и игру в оркестре нельзя). Рискну предположить, что это пошло коллективу на пользу. Сейчас его состав довольно молод — похоже, что Герберта фон Караяна, чье тридцатилетнее сотрудничество с оркестром длилось до 1989 года, помнит меньшая часть музыкантов.

Приездом оркестра москвичи обязаны не только продвинутому немецкому спонсору (Daimler-Chrysler, Deutsche Bank) и российским организаторам (Росинтерфест), но прежде всего политической истории XX века: берлинцы и их маэстро, не взяв гонораров, подарили концерт Москве как столице одной из стран-победительниц: их турне проходит под девизом «50 лет демократии в Германии» и обнимает Москву, Лондон, Париж и Вашингтон. Многие заметные концерты устраи-

ВИКТОР АХЛОНОВ

Клаудио Аббадо достиг понимания не только с экс-оркестром Караяна, но и с публикой страны-победительницы

ются по поводам, которые часто кажутся внешними: хочется забыть о них и просто слушать музыку. Здесь другое дело: Берлинский филармонический в его нынешнем качестве — пример того, чего добилась демократическая Германия за 50 лет. Оркестровая культура, организация оркестрового дела, репертуарные принципы — вещи далеко не дикорастущие, но результат осознанной политики, которая по своей структуре близка политике государственной. Поэтому устроители правы, когда сопоставляют в своем обзоре исторические вехи с веками биографии оркестра: в 1955 году был пожизненно избран Караян и отменен оккупационный режим — Германия снова стала Германией; 1990 год — избрание Аббадо и объединение Германии; 1999 год — утверждение будущего преемника Аббадо, англичанина Саймона Рэттла, и введение евровалюты.

Теперьшний Берлинский филармонический — оркестр немецкий в современном понимании: за его пультом стоит итальянец, который привозит в Россию и симфонию Бетховена, и симфонию чеха Дворжака, напитанную американскими напевами. Но даже не в этом дело: великий, грозный и надменный Караян остался в истории; на его месте — музыкант с не менее определенной дирижерской волей, но вместе с тем — партнер и товарищ оркестрантов, первый среди равных. Его

манеру работы можно было понаблюдать на репетиции: уточнения темпов и штрихов протекали в форме непринужденного светского общения, а когда в перерыве репетиции деревянные духовые проводили групповую сыровку, один из скрипачей спародировал жест маэстро, к удовольствию музыкантов и восторгу присутствующей студенческой братии. Пустив народ на репетицию, Аббадо дал желающим возможность понаблюдать за своим кропотливым трудом: симфонию Дворжака «Из Нового Света» он фильтровал и чистил так, словно оркестр играл ее впервые. Должен огорчить тех, кто слушал только репетицию, — они стали свидетелями лишь технической работы, словно бы никак не обещавшей того вдохновенного полета, что объединил оркестр и публику на вечернем концерте (стоит ли говорить, что аншлаг и успех были выше всяких пределов).

Берлинский филармонический показал безукоризненное, до мельчайших деталей, следование тексту авторских партитур. Первый же унисон Четвертой симфонии Бетховена сразу снял все вопросы относительно строя и баланса, не говоря уже о точности вступлений. Отменно сильно показали себя солисты-духовики, и не только английский рожок, игравший у Дворжака божественную индийскую песенку. Медь могла играть и мощно, и тонко. Матовый, выстроенный звук

струнных был результатом тончайшей слаженности. Главное же — удивительный контакт оркестра с Аббадо, порождавший идеальное взаимослышание всех групп. Звук сохранял прозрачность и в самых ослепительных туттийных местах, а медленная часть Дворжака, с выделенной группой солирующих струнных, стала просто подарком с небес. На этом месте я окончательно забыл, что я музыкальный критик и мне надо выискивать мелочи и недочеты — их попросту не было вообще.

Несколько более противоречивое впечатление оставил опус Вольфганга Рима «На двойной глубине», написанный по заказу оркестра специально для благодарственного турне. Один из самых исполняемых композиторов современной Германии (он наступает на пятки самому Хансу Вернеру Хенце) создал высокопрофессиональную партитуру с требующим отражением исторической темы (на текст казненного фашистами голландского радикала — вокальные партии безупречно озвучили Стелла Дуфексис и Анна Ларсон), в грамотной пропорции современных средств и должной коммуникативности и со всеми признаками дежурной заказной работы. Что же, и здесь музыка осталась в согласии с политикой: Вольфганг Рим ровно настолько же лучше Хренникова, насколько Германия 90-х лучше Советского Союза 70-х.